

Лия Красинская

Хайфа, Израиль

ВОСПОМИНАНИЯ О МОЕМ СЫНЕ ГЕОРГИИ ШВЕЙНИКЕ

Моему сыну Гере (Георгию) шел 11 год, когда он впервые увидел отца. Почему? Человеку XXI столетия трудно себе представить обстановку той поры. Сын родился 28 июня 1936 г., в период расцвета сталинских репрессий. Людей хватили без всякого повода, по любому доносу, подозрению и без следствия и суда, по решению так называемых «троек», отправляли в тюрьмы, концлагеря и даже на тот свет.

Гере было шесть месяцев, когда его отец — педагог Хабаровского музыкально-театрального техникума (так назывались училища) был арестован по подозрению (!) в шпионаже и получил пять лет концлагеря. Но эти пять лет растянулись надолго. Срок заключения окончился в декабре 1941 г., но тогда СССР был уже втянут во Вторую мировую войну. Политических заключенных задержали до конца войны, а освободили в 1946—1947 гг. с рядом ограничений. В частности, они не имели права жить в крупных городах. Я¹ с сыном жила с 1945 г. в Риге — тогда столице Латвийской Советской Республики. Тогда и произошла первая встреча Геры с отцом², о существовании которого он и не знал.

Жить в Риге отец не имел права. Он поселился в городе Елгаве, примерно в часе езды от Риги, и навещал нас, но не жил с нами. Однако его пребывание в Елгаве было недолгим. Как и других бывших политических заключенных, уже в 1948 г. моего мужа отправили в ссылку в город Енисейск Красноярского края. Оттуда он вернулся после смерти Сталина, в 1954 г. Через некоторое время был реабилитирован. Но именно в 1954 г. Гера уехал из Риги учиться. Подробнее об этом будет рассказано. Но подлинная встреча Геры с отцом произошла еще через несколько лет, и тогда у них началась мужская дружба. Хотя мы с мужем к тому времени развелись, но остались друзьями.

Так или иначе, детство, отрочество и ранняя юность прошли у Геры без отца. Возможно, если бы отец был рядом, жизнь Геры сложилась бы по-другому... Гера с детства мечтал о геологии. Он мог бы заняться любой современной наукой, так как был очень одаренным человеком. Если бы его кто-то заинтересовал новыми направлениями науки, он мог бы увлечься какой-нибудь из них. Но я, всю жизнь занимавшаяся музыкой, не знала этих новых наук и решила: геология — так геология.

Уже в раннем детстве у Геры проявились многогранные способности. Он легко овладел чтением и письмом, хорошо рисовал, был очень музыкальным. Помню, как он в пятилетнем возрасте вырезал из бумаги мачтовый корабль без предварительного рисунка.

¹ Красинская Лия Эммануиловна (р. 1911) — музыковед. Родилась в Риге. В 1933 г. окончила Латвийскую консерваторию по классу фортепиано (у А. Сокольской) и по классу теории композиции (у Я. Витола). В 1934 г. эмигрировала с мужем в СССР и до 1944 г. преподавала игру на фортепиано и музыкальную литературу в музыкальных училищах Хабаровска, Калинин (ныне Тверь), Чкалова (ныне Оренбург). С 1945 г. преподавала в Латвийской консерватории (с 1948 г. профессор). Заслуженный деятель искусств Латвийской ССР (1961), доктор искусствоведения (1976). Автор книг (11) и статей по вопросам теории и истории музыки, театральных и концертных рецензий, учебников для общеобразовательной школы и музыкальных училищ. С 2003 г. живет в Израиле. — *Ред.*

² Имеется в виду Филипп Осипович Швейник (1911—1974) — пианист (концертмейстер), деятель культуры. Родился в Риге, в 20—30-е гг. участвовал в подпольном революционном движении в Латвии. В 1933 г. окончил Латвийскую консерваторию по классу фортепиано. В 1934 г. эмигрировал с женой в СССР. В конце 1934 г. оба были направлены на работу в Хабаровск, где он работал в местном музыкальном техникуме. 25 декабря 1936 г. арестован. 3 июня 1937 г. осужден Особым совещанием НКВД СССР на пять лет исправительно-трудовых лагерей. До 1946 г. отбывал срок в Ухтижмлаге (Коми АССР) на культработе. Вернулся в Латвию, в 1946—1949 гг. был дирижером музыкального училища в Елгаве. 28 апреля 1949 г. арестован и 31 августа 1949 г. осужден Особым совещанием МГБ СССР на поселение. С 16 октября 1952 г. по 3 сентября 1954 г. в ссылке в Енисейске (Красноярский край). Реабилитирован. Жил в Риге, с 1958 г. был директором Латвийской филармонии. — *Ред.*

У меня долго хранились первые тетради сына. Когда ему исполнилось семь лет, я начала заниматься с ним в свободное время школьными предметами. Это было в разгар войны, в 1943 г. Тетради, да и вообще бумага, стали острым дефицитом. Тетради раздавались по школам, а чистая бумага была нередко оборотной стороной географических карт. Из контурных карт я нарезала небольшие листочки размером в четверть обычного листа, сшивала их нитками, а обложки делала из обложек старых исписанных тетрадей. В «тетрадах» по арифметике были примеры на сложение и вычитание двузначных чисел, в том числе и довольно сложные, например: $47+35$ и т.п. — в пределах ста. Он налету схватывал все, что я ему объясняла, и охотно занимался со мной. В 1943 г. у нас тогда принимали в первый класс восьмилеток, а Гере было только семь. Зато в 1944 г. начали принимать семилеток, а Гере исполнилось в июне восемь. И его подготовка позволила ему поступить сразу во второй класс. Учился он в школе легко, быстро успевая подготовить уроки, и получал хорошие и отличные оценки. В числе любимых предметов была история, и в старших классах он брал в библиотеке учебники для вузов и по этим учебникам готовился к школьным экзаменам. Ему с одинаковой легкостью давались все школьные предметы, но с самого детства у него была одна заветная мечта — геология.

У многих моих друзей и знакомых нередко возникал вопрос: почему я, безмерно любившая музыку и посвятившая ей всю свою жизнь, не направила его в мир музыки? Музыку он всегда воспринимал очень остро и чутко. Бывало, в зрелые годы он стеснялся ходить на концерты, потому что у него часто появлялись на глазах слезы и он не хотел, чтобы это видели соседи по залу. Слух и музыкальная память были у него великолепные. Но не повезло с педагогом.

Контакт учителя с учеником нужен всегда, а особенно он необходим при занятиях музыкой. Такие контакты были у Геры с его первым учителем по скрипке, когда он начал заниматься в музыкальной школе в Твери в 1943/44 учебном году. Он охотно ходил на уроки, занимался дома, и все шло гладко. Но мой извилистый жизненный путь привел меня в марте 1945 г. в Ригу (где я родилась), куда меня вызвали на работу в консерваторию. В Риге в то время была консерватория и музыкальные школы, в том числе и десятилетка при консерватории, куда и был принят Гера в класс скрипки. Проучился он там около года, но не было контакта с педагогом, и ему не хотелось брать в руки инструмент. Когда он играл на ученических вечерах, то получал, как правило, отличные оценки и говорил, что «отлично» ему поставили потому, что он мой сын. Учился он, как говорят, «из-под палки», но это фигурально, так как я страшный противник физического воздействия. Какое-то время мне удавалось удерживать Геру от прекращения обучения. Но когда он начинал играть дома, из глаз у него катились слезы, и он говорил: «Хоть бы сгорели все скрипки на свете!» Это было уже слишком — Гера мог возненавидеть царицу моей души — музыку. И мы прекратили занятия.

Школу он окончил в 1953 г., не получив золотой медали из-за какой-то четверки, затесавшейся среди остальных «отлично».

В Риге к тому времени был закрыт «по ненадобности» геологический факультет университета, но Гера рвался в геологию. Пришлось думать об отъезде. Куда?

В Москве жили многие мои родственники. Москва манила большим выбором высших учебных заведений с геологическим уклоном. Туда Гера и направился.

Каждому зрелому человеку было ясно, что в МГУ не стоит совать носа: отец еще в ссылке, да и национальность неподходящая... И хотя Сталин к тому времени уже умер, еще была жива легенда о врачах — «убийцах в белых халатах». Не многие в наши дни помнят об этом отвратительном эпизоде сталинских репрессий.

В 1948 г. в стране начался «крестовый поход» против «безродных космополитов», как стали называть евреев. Бессмертный и вездесущий антисемитизм, всегда тлевший в стране, где пропагандировалась «дружба народов», вспыхнул открыто, поощряемый самыми высокими государственными органами. В государстве, где все без исключения

находилось под контролем одной-единственной партии коммунистов-большевиков, внешне царило единомыслие. Все газеты, все средства массовой информации, от центральных московских до районных и даже стенгазет, пестрели статьями об антинародных безродных космополитах. Начались аресты еврейских писателей и поэтов, многие были расстреляны. В высших учебных заведениях царил негласная «процентная норма».

Пиком этой разнузданной травли стал печально известное дело врачей — «убийц в белых халатах». Среди лучших врачей, лечивших Сталина, были в основном евреи. Сталину не становилось лучше, и тогда возникла легенда о врачах-евреях, будто бы стремившихся умертвить Сталина. Врачи были арестованы, и над всеми ними нависла угроза расстрела. Но на этот раз получилось по-другому: Сталин умер, и фальшивка была разоблачена, а все врачи — оправданы. Но антисемитские настроения еще долго давали (и дают) о себе знать. Особенно это касалось столичных престижных вузов, в первую очередь МГУ.

К сожалению, я не понимала, как опасно отправлять 17-летнего юношу, привыкшего в большой самостоятельности, одного в Москву в такой сложной обстановке. Он имел некоторое представление об этой обстановке, и я советовала ему найти какой-либо другой институт с геологическим уклоном. Но Гера был настроен по-боевому и рискнул — подал документы в МГУ и был допущен к вступительным экзаменам, но уже с некоторой оглядкой. Перед экзаменами с ним провели беседу, в которой был затронут вопрос об отце.

Гера всегда говорил только правду, и, когда ему был задан вопрос «где отец?», он ответил, что отец в ссылке. «А за что?» — спросили у него. «Да ни за что», — ответил он. Можно себе представить, какое впечатление произвел этот ответ, тем более что отец еще не вернулся. Тем не менее Геру допустили к экзаменам, но не на рудные месторождения, о чем он мечтал, а на пластовые. Тем не менее с его подмоченной из-за отца репутацией он не был особо желателен для МГУ. Наверное, в его документах был где-нибудь условный знак о нежелательности его принятия в МГУ.

Гера звонил мне после каждого экзамена и рассказывал о результатах. Оценки были хорошие и отличные. И вот тут-то и спохватились те, «кому надо», и на последнем экзамене (физика) его даже не завалили, а поставили ему оценку «три». Из-за этого снизилось общее количество баллов, и он не прошел по конкурсу. Однако у него был документ из МГУ, подтверждавший, что он сдал все экзамены. Имея такую справку, Гера мог поступить без экзаменов в любой вуз, где было вакантное место.

Итак, Гера вернулся в Ригу со справкой о сданных в МГУ вступительных экзаменах на геологический факультет. Сидеть без дела он уже тогда не умел, рвался к занятиям. Помню, как мы с ним писали во все вузы, имевшие геологические факультеты, в поисках вакантного места. Так, мол, и так: сдавая экзамены в МГУ, не прошел по конкурсу. Положительные ответы получили из Новочеркасска и Баку.

Гера поехал в Новочеркасск, где был принят на маркшейдерское отделение. Весной он сдал на «отлично» экзамены маркшейдерского отделения и еще два экзамена, очень трудоемких, по геологии. Летом поехал на практику не с маркшейдерами, а с геологами, надеясь, что его осенью переведут на геологический факультет. Геру не только не перевели, но у него возникли неприятности из-за нарушения дисциплины, и он должен был покинуть Новочеркасский политехнический институт. Не знаю точно, как он попал в Томск, и узнать теперь не у кого. В Томске он поручился 1955/56 учебный год и первый семестр 1956/57-го. Говоря его же словами, «залетел в Томск, а оттуда через полтора года залетел в лагерь».

Сохранилась кассета — интервью московского журналиста Владимира Устенко с Герой, переданное по Всесоюзному радио. Об эпизоде в Томске Гера рассказывает: «16 декабря 1956 г. комитет комсомола проводил диспут о месте комсомола в жизни. Я сказал, что комсомол никуда не годится в том виде, каков он сейчас, и вообще все никуда не

годится, каково оно сейчас, и все это надо перестраивать. Диспут наш проходил в зале Томской областной филармонии, а напротив через улицу, в зале офицеров, проходила областная партийная конференция. Там то ли услышали, то ли туда позвонили, но во всяком случае после перерыва к нам оттуда пришли первый секретарь Томского горкома, завотделом по борьбе с молодежью (именно так он сказал не “по работе с молодежью”, а по “борьбе с молодежью”. — Л. К.) товарищ Анциферова — то, что я запомнил, еще человека два-три. Они ввели наш диспут в правильное русло». Журналист: «Ввели в правильное русло, а вас вывели?» Гера: «Нет, тогда еще не вывели. Две недели еще меня исключали из комсомола, все никак исключить не могли — ребята не давали. Но новый год я уже встречал в томском центре». Журналист: «Это была у вас статья 58, а пункт?» — «Пункт 10 — контрреволюционная агитация и пропаганда, направленная на срыв основных...» — тут его прерывает журналист: «Вот чего! Гера, а сколько вам это стоило?» — «Пять лет».

А теперь расскажу, как запомнила эти дни я. Начну с того, что в Томске тогда жил сын моего брата — Шурик, на два года старше Геры. Он окончил в Томский университет, математический факультет, и был оставлен ассистентом при университете.

Числа 20—23 декабря мне звонит Шурик и говорит, что у Геры крупные неприятности, что его исключили из комсомола. Я заволновалась, но числа 27—28-го получила от Геры телеграмму с новогодним поздравлением. Я успокоилась. Только после его ареста я внимательно вчиталась в телеграмму и увидела там слова: «Вручить 31-го». Какой же он был внимательный! В те дни, когда он уже знал, что его ждет, он хотел заверить меня, что все благополучно. Как эта телеграмма характеризовала его, ему же было только 20 лет!

Новый год я встречала в компании моих студентов, ни о чем не подозревая. На следующий день позвонил Шурик и сказал, что Геру арестовали.

В это время в Риге уже жил его отец. Он со мной полетел в Томск, чтобы там попытаться что-то сделать. Конечно, сделать мы ничего не могли, но отцу Геры сказали, что времена уже не те, что были при его аресте (37-й год), чтобы он не беспокоился по поводу хода следствия.

Мы нашли в Москве адвоката, который согласился принять участие в деле Геры, хотя и понимал всю безнадежность этой затеи. Адвокат, естественно, присутствовал на суде и рассказывал мне потом, что Гера был абсолютно спокоен. Когда адвокат зашел к нему, чтобы рассказать о приговоре, Гера стоял на голове.

Гере присудили пять лет концлагеря в поселке Чуна близ Тайшета. Условия лагерной жизни по сравнению с 37-м годом были «курортные». В четырехместной камере жили трое заключенных. Было просторно — можно и поговорить, и книжки почитать. А поговорить было с кем. По словам Геры, там сидели «самые честные из умных и самые умные из честных». В лагере он получил шоферские права, квалификацию столяра-плотника. Но работал и на лесоповале.

По сравнению с 37-м годом были сказочные условия для свиданий. Помню свое свидание с мужем весной 1937 г. Оно проходило в маленькой комнате, метров 12—15, разделенной двумя металлическими сетками, по одну сторону — заключенные, по другую — посетители. Говорят все вместе, услышать можно, только если кричат. Продолжительность свидания — около 30 минут. Это дно из самых тяжелых моих воспоминаний.

А с Герой мне дали свидание на целую неделю уже в начале 1958 г. Меня поселили в комнате маленького дома, и после работы Гера приходил туда, где мы были вместе до следующего утра. И так целую неделю! А летом 1958 г. он получил право на вольное поселение, жил в отдельном домике, но должен был являться на перекличку и ходить на работу. В то лето я провела с ним в этом домике целый месяц.

Годы его заключения были лучшими годами в Гулаге. Уже в 60-е положение изменилось. По словам Геры, в 60-е можно было за словесный ответ надзирателю, спровоцировавшему этот ответ, получить «вышку».

Понимая бессмысленность моих попыток, я все же без конца писала жалобы — от Томской прокуратуры до Верховного суда СССР. И все же случилось маленькое чудо. Верховный суд пересмотрел дело и сократил срок до трех лет. А просидел Гера к тому времени уже три с половиной. Летом 60-го он вернулся.

С тех пор произошло около 50 лет, и многие детали не сохранились в моей памяти. Знаю только, что через некоторое время он поступил на заочное отделение в Ленинградский горный институт, который окончил в 1967 г. Имея диплом геолога, работал в Институте морской геологии и в геологическом управлении, но стремился работать в рудной геологии. С его сломанной биографией он не мог рассчитывать на серьезную работу в геологии. Он несколько лет ездил в Магадан, работая в старательских артелях на золотых приисках. Но и там у него нередко возникали конфликты с местным начальством.

В упомянутом выше интервью Гера рассказывает о своей последней поездке в старательскую артель. Ему предложили работать горным мастером на одном из приисков, и он согласился при условии, что получит все необходимое оборудование. Он пригласил людей, они съехались, но оборудование так и не получили и работать было не с чем, и вместо заработка они «вылетели в трубу». Больше он в старательских артелях не работал. Это было в 76-м году.

За эти старательские годы у Геры постепенно появилась новая профессия — переводчик. Как-то раз, уезжая на Колыму, он взял с собой английскую книгу — хотел проверить, насколько он помнит язык, которым занимался только в школе и потом в вузе. Собираясь потихоньку читать в свободное время. Оказалось, что язык Гера помнит гораздо лучше, чем думал. Книгу он прочитал по дороге в самолете всю целиком. Она ему понравилась, и он решил попробовать переводить. Это была диалогия английской писательницы, писавшей под псевдонимом Мэри Рено, — «Бык из моря». Книгу ему дала добрая знакомая, работавшая в корректорском отделе издательства «Наука»³. Гера рассказывает в своем интервью, что она спрашивает, почему он не пишет. А он отвечает, что писать собственно не о чем, — жизнь в старательской артели однообразная, но он переводит интересную книгу и может присылать ей уже переведенные страницы. С этого началось. Гера посылал по два-три листочка, а одна из машинисток их печатала, и ей было так интересно, что она с нетерпением ждала следующих. Так возник его первый перевод. Он объединил обе книги в одну и назвал по имени главного героя — «Тезей». Книга очень увлекательная и интересная. Перевод был настолько талантлив, что Владимир Успенко — сам переводчик — называет Геру автором этой книги.

Перевод — дело творческое, и он захлестнул Геру. Кроме «Тезея», к числу его первых переводов относятся книги «Бегство от свободы» Эриха Фромма и «Агрессия» Конрада Лоренца. Эти книги Гера нашел у друзей и тогда совершенно не думал об их публикации, так как в СССР они были отнесены к так называемой лженауке и не издавались. Такой «лженаукой» была этология — наука о поведении животных.

Автор книги «Агрессия» К. Лоренц — крупный ученый-этолог, долгие годы изучал поведение разных животных и доказал, что независимо от вида все животные обладают некоторыми сходными качествами, которые присущи и человеку.

Значительно позднее, уже в эпоху перестройки, названные книги Э. Фромма и К. Лоренца в Герином переводе были изданы в серии «Библиотека зарубежной психологии»: «Бегство от свободы» — в 1989 г., «Агрессия» — в 1994.

Однако переводы не могли обеспечить материальную сторону жизни, и, не имея постоянного места работы, Гера занимался чем попало. Довольно долго он проработал

³ «Наука» — основанное в 1923 г. издательство Российской академии наук (в 1923—1991 гг. Академии наук СССР). — *Ред.*

бульдозеристом на строительстве какого-то дома отдыха в Юрмале, был ночным сторожем и дворником. Но он умел увлекаться любой работой, и даже в работе дворника искал какие-то новые методы.

Тем не менее, переводческое дело увлекало Геру все больше. Рассчитывать на публикацию русских книг в Риге было нечего, и Гера начал ездить в Москву, знакомясь с работой разных издательств и знакомя издательства со своими переводами. Не имея никаких связей, он оказался в числе переводчиков, которых печатали. Беглого взгляда на хронологический список его опубликованных работ (см. приложение) достаточно, чтобы убедиться в том, что уже в начале 90-х гг. его имя мелькает на страницах разных московских и петербургских издательств. В одном только 1994 г. напечатаны: роман М. Рено «Последняя чаша» (издательство «Северо-Запад», С.-Петербург), роман Г. Гаррисона «К звездам» (издательская фирма «Полярис», Рига), «Пришельцы» К. Смайка («Полярис», Рига), «Агрессия» К. Лоренца (издательство «Прогресс», Москва).

Выезды Геры в Москву становились все более частыми и длительными, и наконец в середине 90-х он переехал в Москву совсем. А пока жизнь шла своим чередом. Стали взрослыми сын и дочь от первого брака, выросли сын и дочь от второго брака. К концу 90-х годов и он сам, и почти все члены его семьи оказались в Москве. Каждый занимался своим делом, Гера переводил и занимался языком с группами взрослых разных специальностей, желавших улучшить свой английский язык. Бывали группы юристов, экономистов, математиков — ведь у каждой профессии своя лексика.

В январе 2003 г. старшая дочь с тремя детьми переехала Израиль. Вслед за ней через полтора месяца уехал и Гера, помощь которого в Израиле была очень существенна. И даже я, оставшись в Риге одна, рискнула переехать на "другую планету". С этого момента я очутилась под одной крышей с Герой и видела, как проходила его жизнь. Он очень много помогал мне как в быту, так и в записи нот новых сочинений, возникших у меня уже в Израиле. Особенно это сказалось с осени 2004 г., когда, поскользнувшись на коврике в своей комнате, я упала и получила перелом тазобедренного сустава. Гера приезжал ко мне в больницу ежедневно, помогал мне ходить с ходунками и терпеливо записывал аккомпанемент к моему романсу «Русалка» на слова Лермонтова. К приезду домой Гера оборудовал мой быт так, чтобы я могла ложиться в постель и вставать из нее, чем я пользуюсь до сих пор. Оборудовал в душевой кресло, сидя на котором я могу принимать душ. Гера внимательно следил за тем, чтобы я вовремя приобретала все необходимые лекарства. Много читал мне вслух, писал для меня длинные электронные письма и читал письма, адресованные мне. Многократно в течение дня заходил в мою комнату узнать, не нужно ли мне чего-нибудь. И хотя он был, как всегда, немногословен, я постоянно чувствовала себя окруженной его вниманием.

После переезда в Израиль прервались контакты Геры с российскими издательствами, но переводческую деятельность он не прекратил. Стал переводить книги для библиотеки Интернета. Здесь у него снова была полная свобода выбора и независимость от редакторов, с которыми у него нередко возникали конфликты.

Симптоматично, что до конца дней он сохранил симпатию к Мэри Рено, в романах которой чаще всего сюжеты мифологические или из древней истории. А тяга к истории у него была с детства. Так, для библиотеки Интернета он перевел романы «Божественное пламя» о детстве и юности Александра Македонского и решил откорректировать заново «Последнюю чашу», первый перевод которой, уже опубликованный, из-за редакторов ему не нравился, дав новое название «Остатки вина». И последним его переводом перед уходом из жизни стал роман, конечно же, Мэри Рено, «Маска Аполлона» о греческом театре VI в. до н.э. Торопясь закончить его, Гера подолгу просиживал за компьютером, понимая, что силы его на исходе. Когда я как-то спросила у него, зачем он так много работает, ведь у него нет договора с указанием срока окончания работы, он ответил нашей любимой латышской поговоркой: "*Labs darbiņš, kas padarīts*" (т.е. «хороша работенка, которая сделана»). И он свою работу сделал. Так он поставил «точку» в своей жизни.

Бедя грянула внезапно и устрашающе. Гера принадлежал к числу людей, никогда не болевших. Еще в последние месяцы своей жизни он занимался тяжелой атлетикой. Здоровье его казалось абсолютным. Он продолжал заниматься всеми своими делами, но весной 2005 г. появились, пока легкие, признаки неполадок в кишечнике. Он не привык за всю свою жизнь обращаться к помощи врачей, и только в сентябре 2005 г. мы с трудом уговорили его обратиться к ним. После первого же визита к гастроэнтерологу он был направлен в больницу на серьезное обследование. На пятый день его выписали с ужасным диагнозом: опухоль в кишечнике. Его тут же направили на операцию, которая подтвердила самое страшное предположение — опухоль была злокачественная. Операция прошла благополучно и, судя по самочувствию Геры, была сделана вовремя. Месяца через два после операции он ходил в спортзал, часами сидел у компьютера, и мы надеялись на благополучный исход. Но наши надежды не оправдались. Началось с того, что летом 2006 г. у Геры появились затруднения в речи. Он еще помогал мне с записью романсов, но когда я попросила его переписать текст одного из них, Гера сказал, что он не может, что у него «нет почерка». В ответ на мой недоумевающий взгляд он сказал, что у него дрожат руки. Новые исследования показали «малюсенькую опухоль в мозге». 4 сентября 2006 г. ему сделали операцию — «малюсенькая опухоль» оказалась метастазом. И снова самочувствие Геры ввело нас в заблуждение. Он еще даже успел съездить на десять дней в Иерусалим. Как я потом поняла, он ездил прощаться с друзьями. В это время у него уже бывали дни мучительных болей в животе, но он никогда не жаловался. Вернувшись из Иерусалима, почти не вставал с постели. Болезнь развивалась стремительно. Его съели два рака — кишечный и мозговой. В ночь с 16 на 17 октября Геры не стало.

Вот и закончено краткое жизнеописание моего сына. Оно далеко не совершенно, но не следует забывать, что я делала это, когда мне было 96 лет.

Даже в самых лучших биографиях очень редко удается показать личность человека, но мне хотелось попробовать.

Гера — личность яркая и неординарная. Одной из типичных его черт была независимость и смелость. Независимость суждений и поведения. Это проявилось уже в Новочеркасске, где он отправился на практику не с маркшейдерами, а с геологами. Характерно, что в Томске к диспуту готовился весь комитет комсомола, но выступил на диспуте именно Гера.

Его отличительные черты — исключительная порядочность и честность. Невозможно даже представить себе Геру, старающегося чего-то добиться с помощью лести или другого вида подхалимства. Поражали его трудолюбие и увлеченность всем, что он делал. Отношение его к людям было очень внимательным. Он всегда был готов помочь, если это было в его силах. Конечно, он был очень талантливым человеком, но сломал всю свою жизнь участием в студенческом диспуте.

Были у него и недостатки (у кого их нет!), но они искупались его человечностью, безграничной правдивостью и заботливым отношением к окружающим. Все, кто с ним встречался, попадали под его обаяние.

Пусть же добрая память об этом светлом человеке долго живет в сердцах людей!

Приложение

Хронологический список опубликованных переводов Георгия Швейника

- 1990 — Эрих Фромм. «Бегство от свободы». Издательство «Прогресс», Москва.
- 1991 — Мэри Рено. «Тезей». Политиздат, Москва.
- 1993 — Мэри Рено. «Тезей». «Северо-Запад», С.-Петербург.
- 1994 — Мэри Рено «Последняя чаша». Издательство «Северо-Запад», С.-Петербург.
- 1994 — Гарри Гаррисон. «К звездам». Фирма «Полярис», Рига.
- 1994 — Клиффорд Смайк. «Пришельцы». Фирма «Полярис», Рига.
- 1994 — Конрад Лоренц. «Агрессия». Издательство «Прогресс», Москва.

- 1995 — Альфред Хичкок и Три Сыщика. «Тайна говорящего черепа». Коллекция «Совершенно секретно», Москва.
- 1995 — Эрих Фромм. «Бегство от свободы». Издательство «Прогресс», Москва.
- 1998 — Гарри Гаррисон. «Звезды — последний шанс». Издательство «Эксмо-Пресс», Москва.
- 1998 — Конрад Лоренц. «Оборотная сторона зеркала». Издательство «Республика», Москва.
- 2001 — Гарри Гаррисон. «К звездам». Издательство «Эксмо-Пресс», Москва.
- 2001 — Гарри Гаррисон. «На земле». Издательство «Эксмо-Пресс», Москва.
- 2001 — Гарри Гаррисон. «Халвмерк». Издательство «Эксмо-Пресс», Москва.
- 2001 — Конрад Лоренц. «Агрессия». Издательство «Амфора», С.-Петербург.
- 2002 — Клиффорд Саймак. «Пришельцы». Издательство «Эксмо», Москва.
- 2002 — Пол Теру. «Моя другая жизнь». Издательство «Б.С.Г-Пресс», Москва.
- 2003 — Гарри Гаррисон. «Звезды — последний шанс». Издательство «Эксмо», Москва.
- 2004 — Эрих Фромм. «Бегство от свободы». «Человек для себя». Издательство «АСТ», Москва.
- 2006 — Эрих Фромм. «Бегство от свободы». Издательство «Прогресс», Москва.
- 2007 — Гарри Гаррисон. «К звездам». Издательство «Эксмо», Москва.
- 2007 — Клиффорд Саймак. «Пришельцы». Издательство «Эксмо», Москва.
- 2007 — Эрих Фромм. «Бегство от свободы». Издательство «Академический проект», Москва.
- 2007 — Гарри Гаррисон. «Звезды — последний шанс». Трилогия: «Дома». «На колесах». «Возвращение». Издательство «Эксмо», Москва.